

А.Б. БУШЕВ

(Тверской государственный университет,
г. Тверь, Россия)

УДК 81⁴²
ББК Ш105.51

НОВАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ – ПОЛЕ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ И (ИЛИ) КРЕАТИВНОСТИ?!

Аннотация. Статья иллюстрирует состояние реципиента и продуцента масс-культурных текстов на примере системы высшего образования. Обсуждаются феномен фрагментаризации знания, мозаичности сознания и новой неграмотности массового читателя на фоне изменения типа мышления современника в эпоху постнеклассической рациональности. Предлагаются меры по оптимизации языкового и культурологического образования.

Ключевые слова: культура, мультикультурализм, мозаичность культуры, фрагментаризация знания, постнеклассическая рациональность, новая неграмотность.

1. Введение

В настоящей статье представляется необходимым дать интерпретации картины мира нового читателя (автора), показать особенности его формирования (в том числе не без участия института масс-медиа), показать влияние фрагментаризации сознания на язык, на журналистский дискурс и – самое главное! – наметить пути системной работы по образованию читателя (автора) в новых условиях. Материалом для статьи явились как наблюдения над речью и языковым сознанием носителей, так и наблюдения над дискурсом СМИ, языковыми феноменами в российских масс-медиа последнего десятилетия.

Традиционно в теории словесности риторическому построению текста масс-медиа уделяется наибольшее внимание и время, а самому субъекту речевой деятельности и аудитории уделяется намного меньшее внимание. Размышляя над проблемой «СМИ и общественное сознание» в ключе, заданном Е. П. Прохоровым [Прохоров 2011], мы можем сказать, что грандиозные информационные и социальные изменения конца XX века при-

вели к тому, что сменился тип мышления современника. Философы говорят о наступлении типа культуры, связанного с *постнеклассической рациональностью*. Проблематика готовностей создавать и понимать текст разрабатывается и риторикой, и дидактикой, и герменевтикой. Какими компетенциями должна обладать языковая личность (=носитель=автор=реципиент), чтобы успешно строить тексты и понимать их?! Этим озабочена и педагогика, и очевидно одно: эти компетенции выходят далеко за пределы собственно лингвистических [Бушев 2010]. Уже классическая риторика предупреждает о пустоцвете речи без философских, правовых, этических, логических, политических, культурных ее оснований.

Сегодня *в условиях массового общества* мы имеем дело с *мозаичной культурой*, суть которой хорошо выражает русская поговорка: «Полуграмотный хуже неграмотного». На фоне развития глобальной культуры отмечается и феномен *фрагментаризации картины мира*. Современная языковая личность далека от идеала. В этой связи нами давно изучается феномен «*новой неграмотности*» – сочетание глобального и локального, невежественности в фундаментальном и осведомленности в узких вопросах, отсутствие панорамно-исторического подхода, аксиологии, декларация приоритетности вкуса и впечатлений, отсутствие познавательной мотивации. С аналогичной неграмотностью столкнулись США в середине 60-х гг. XX века, на пороге перехода к информационному обществу. Тогда там пристально изучали советскую систему образования, создали экспозицию о ней под названием «Как запускают спутник?» Известна фраза о том, что победы наций одерживают школьные учителя. Был ревизован арсенал дидактики, намечена риторизация программ обучения. Была разработана теория минимальной культурной компетентности (Д. Хирш) – что должен знать каждый американец об истории, культуре, географии США.

Фрагментаризации соответствует сегодня *мультикультурализм* разных миров, сосуществующих в обществе, трагически разделенных культурой, ценностным взглядом на мир. Это не только этнокультуры, и культуры наций-государств, но и высокая и массовая культура, культуры мегаполиса и провинции,

городская и сельская культуры, культуры социальных страт, восточная и западная культуры, европейская, американская и азиатская культура, различные профессиональные, возрастные субкультуры. Эти стратификации отвечают новой интерпретации термина «культура» в новое время. Известны социологический, исторический, нормативный, психологический, дидактический, антропологический подходы к характеристике культуры. Социологи связывают проблемы культурной грамотности с проблемами элитарности и отмечают, что целый ряд факторов – типовое преподавание, плохое комплектование библиотек, провинциализация образования и т.д. – не обеспечивают воспроизводство интеллигенции, способствуют пассивности, конформизму, консерватизму, не обеспечивают воспроизводство национальной культуры и существование самых сложных и рафинированных форм знания, науки, коммуникаций [Гудков, Дубин, Левада 2007]. Возникает *новый читатель* [Бушев 2007] и *новый автор*, у которого нет цельной картины мира, нет исторического сознания, есть опасная тенденция соглашательской всеядности, которого характеризует элементарное незнание ключевых вещей и здоровый цинизм к любой пропаганде, наличествует установка на дешевое развлечение, отсутствует пиетет перед классикой. «Специфический персонаж, главный герой XX века – массовый человек... – оказался не героем, не великаном, не борцом, а «средним» человеком... – он пошловат, приземлен и узко практичен в своих интересах. Он технически грамотен, освоил бытовую технику, автомобиль...значительно повлиял на все процессы, от системы ценностей и социальной мифологии до спорта и досуга» [Левада 2006]. При этом социологи предупреждают о связи деградации образованного слоя с все более отчетливой проблемой институциональных рамок культурной консерватизации, инерции самовоспроизводства и самоидентификации массы [Гудков 2004]. На фоне массового сознания общепринятым тоном оказываются услужливость, подражательность, цинизм, эпигонство и апатия [Гудков 2011].

2. Описание новой неграмотности

Студенты-иностранцы пишут: «Стихи будЕт...Клуб представляет фестивалЬ!». На вопрос о том, что такое спонсорский

пакет, студенты-иностранцы из СНГ отвечают, что это пакет, в который вкладывается подарок, взятка. На вопрос о том, что есть литературный фестиваль, отвечают, очевидно, перепутав его с карнавалом: «Это где люди переодеваются»... Но ведь не отстают от них и отечественные Митрофанушки! Никто из группы в 30 человек ничего не слышал о Константинове – родине Есенина, пустым звуком для них является и Спасское-Лутовиново. Вот где поле приложения концепции минимальной культурной грамотности Д. Хирша! На вопрос о том, что производят в Жостово или каковы традиционные центры русской лаковой миниатюры не могут дать ответа!

Сбылось пророчество гениального В. В. Набокова: автор писал, что люди XXI века будут еще гадать, в честь какой Лены назван город на Неве (Ленинград). Известный литератор И.Л. Волгин рассказывал недавно про свои беседы со студентами МГУ. Их ответы на экзамене анекдотичны: «*В каком году умер Толстой? – Году в восемнадцатом... – Да?! И как же он относился к советской власти? – Он ее... принял*». Или вот: «*Отчего умер Пушкин? – Ну, его задушило самодержавие. – Когда? – При Николае ... Третьем*».

Профессор-юрист рассказывает мне, что подготовившаяся по конспектам студентка бодро лопочет: «*Черныш сказал, Черныш отметил*». Стоп. Кто это? Как выясняется, Чернышевский. Записала сокращенно: «Черныш». Ну а потом он и стал Чернышом. Все равно же. Какие там идеологические расхождения с революционными демократами!

Высоцкому – семьдесят. Разговариваю со школьниками об авторской песне. «*О, это нас не интересует*». Достойный ответ на вопрос об актуальности его творчества. То ли дело Билан! И, конечно, это не «Комедии Клуб», не Ксения Собчак, не Иван Ургант.

Литературу вытесняют экранные искусства. Спрашиваю студентов про вкусы в области самого важного из искусств – кино. «Ультрафиолет», «Робот», в лучшем случае «Гарри Поттер». Эрзац порождает эрзац. Кино авторское, история кино – где-то за горизонтом понимания. Смотрим не самый плохой фильм «Анна и король». По сюжету, учительница отказывается при-

нять богатый дар короля Сиама – отца ее ученика. *«Ну и дура. Продала бы в Англии – Да что ты. У нее (через губу, презрительно) п р и ц и п ы»*. Речь студентов полна клише из второсортных американских фильмов – *«Я в порядке», «У вас проблемы», «Не понятно», «Детей я беру себе», «Я не о том, дорогая»*.

Студент-экономист спрашивает меня: *«А у нас есть в городе английский музей?»* – *«Это что такое?»* – осторожно говорю в ответ. – *«Ну, где-нибудь, где картины висят, всяких Шекспиров великих...»*. В титрах фильмов первого канала появляются анекдотические ошибки этих вчерашних студентов: *«В роли Нины Чавчавадзевой, в ролях Юрий Визборг»*.

Грустны размышления о культурном горизонте классов (похоже, они опять объявились в нашем обществе). Вырос человек, не слыхавший о Феллини и Шекспире, исключивший их из своего обихода. *«Я слушаю мюзиклы, да и только. Мне нравятся «Танцы со звездами», я читаю журнал «Лиза», мои вкусы сверхценны и свободны, мой выбор суверенен»*, – может сказать вам иной читатель-современник. *«Я бардов не больно»*, – так начинается и заканчивается разговор о поэтах Высоцком, Окуджаве, Галиче. Секретом для большинства остается, что они – национальные гении.

О культурной деградации вопиют дачи на Бородинском поле, требующие спасения Комарово, Переделкино, многоэтажные дома, заслонившие Новонерусалимский монастырь, запустение исторических городов. Смущает, что культуре отводился только год (2014), ведь серьезная значимая культурная политика требует десятилетий. Малый резонанс (что удивительно для нашего нового цезарепапизма – церковные иерархи заседают в президиумах, без их золоченых одежд не обходятся пиар-мероприятия светской власти) имело совпавшее с годом культуры 700-летие Сергия Радонежского.

Необходимо отметить, что в современных условиях культурная работа не обязательно связана с классическим искусством. Городские школьники лишены связи с природой. Школьники говорят, что березовый сок собирают летом, не могут сказать, что такое конек крыши, подлесок, болото. Не знают сказок.

Год культуры – это и работа по ликвидации исторической неграмотности. На вопрос «Кого знаете из Маршалов Советского Союза?» студенты дают ответ: «Георгий Жуков и Василий Теркин». Вообще, данные социологов по историческому сознанию молодого поколения россиян предоставляют пищу для раздумий [Горшков, Шереги 2010].

Провинциальные французы, например, ничего не смыслят в нашей жизни. Если им сказать, что Берия была женщиной, вам безоговорочно поверят. Скажут: «Надо же, какая Берия красивая была...». Не знают Пастера, говорят что Париж – серый город. Ну вот, мы стали похожи на провинциальных французов.

Поэт Инна Кабыш пишет о своем ученике: «Мой ученик в сочинении «Актуальна ли комедия «Недоросль» в наши дни?» написал: *Я считаю, что неАктуальна, потому что разве в наши дни есть такие неграММОтные люди?»*

«Какой праздник будет девятого мая?» – спрашиваю ученицу четвертого класса. С опаской, чуя подвох, переспрашивает: «Пасха?»

Назовите представителей консервативного крыла современной публицистики? – спрашиваю студента-журналиста. «Иванов. – Какой? Как его имя? – Не скажу». На этом фоне в Ставрополе прокуратура изымает из школьных библиотек стихи Есенина и «Лолиту» Набокова. В Краснодаре спектакль «Ревизор» получил ограничение 12+. За сцену с подкупом чиновника Хлестакова – это якобы является оправданием противоправного поведения.

Советский классик Юрий Бондарев рассказывает, как спрашивал у старшеклассников «Что Вы думаете о Бунине?». В ответ получил: «А кто такой Бунин?!». «Что вы можете сказать о Наташе Ростовой? – Кажется, это какая-то литературная героиня».

На выставке в библиотеке на мой вопрос о лермонтовских местах студентка дает ответ: «Село... Царское Село...» Прошу назвать хотя бы одного представителя философии Серебряного века – получаю: «Фома Аквинский, Некрасов».

Прихожу в библиотеку. Шекспировская выставка, очень слабая. Я спрашиваю: «А где же Морозов, Аникст, Пуришев, Пинский, Шайтанов, Бартошевич ?! – Вы специалист по Шекспи-

ру?». Как мало надо знать, чтобы прослыть специалистом по Шекспиру!

Как организовать рациональный отбор материала чтения? Техника понимания сложных текстов связана с занимающей нас проблемой понимания объектов дизайна, городов, лиц как текстов. Развитие способностей понимания связано с древней риторикой, пришедшей в школу во времена Аристотеля.

В «Литературной газете» № 18 (2014) кандидат исторических наук Ольга Жукова пишет: «Одна из студенток назвала переломным сражением Великой Отечественной войны «Бредскую битву». Видимо, что-то слышала о подвиге Брестской крепости или о новом одноименном кинофильме. Другая засомневалась «Сталинград или Бородино?» Видимо, что-то слышала о фильме Бондарчука. Студент, получив задание приготовить доклад о Рокоссовском, спросил: «А кто это?». Настоящим героем «Бредских битв» становится сегодня преподаватель, открывающий дверь в школьный класс или университетскую аудиторию.

Вызывает опасения и наше понимание социальной ситуации. Сущностными характеристиками современного сознания масс Б.А. Грушин считает полное непонимание происходящего в стране, потерю базовых ориентиров в жизни, нестабильность реакций и оценок, беспримерную дифференцированность в отношении образов и стилей жизни, утрату доверия к власти, внутреннюю противоречивость и беспрецедентную мозаичность сознания, резкое оскудение и порчу языковых средств выражения имеющегося у масс рационального сознания [Грушин 2001].

Недавно я случайно оказался в гостях – в кабинете русского языка и литературы вечерней школы. Будучи человеком любознательным, я окунулся в прошлое, в декорации картины «Доживем до понедельника». Рука учеников-переростков выводила в тетрадках: «*За кем правда? За Лукой*». Изучали революционеров в пьесе «Вишневый сад»... Повсюду взор наталкивался на старые плакаты «Красуйся, град Петров», «Пушкинское кольцо Верхневолжья», «Писатели в нашем крае». «Хотелось бы видеть среди писателей Ахматову, Гумилева, – мечтательно протянула коллега. – А все остальное – все это было, было и прошло». Кстати, школа великой русской классики помахала рукой и уш-

ла. Современному школьнику некогда и незачем читать.

Проглядываю тетради и ужасаюсь: *Фанвизин, Орзамас, Бальмонд, изучают ямп, корей и даптель, Краншитат...* Глухой угол российской империи?! Еду в троллейбусе, и на стенах в Твери читаю надписи-граффити: «*Сериков-лавелас (кабель)*». Гуляю возле Суворовского училища в Твери и на стене читаю «*Макаров. Ты лудший!*». Конечно, писать грамотно важно. Уровень грамотности катастрофически упал. Впрочем, в американском учебнике по психологии написано: «Проблемы с орфографией не мешают жизненному успеху». Человека создает средняя школа. Высшая – лишь дает специальность. Все это происходит на фоне потрясающего невежества современных студентов. Математик объясняет студентам теорему Колмогорова. «Холомогорова?» – переспрашивают студенты второго курса. Спрашиваю у студентов про итальянское Возрождение – студенты не могут назвать ни одного имени. Говорю про Рафаэля. «Ах, да, мы мультик смотрели...».

Полистал лекции вечерних школьников про Раневскую, - «женщину, стоящую над пропастью», про Есенина было сказано «Хочет наверстать упущенное за границей после Эйсидоры Дункан». Про профессию актера в пьесе «На дне» в составленной таблице было сказано: «пьет». Однако перестройка образования дошла до Богом забытой вечерней школы: уже фигурировали и «Окаянные дни» Бунина, акмеизм, записи о Сологубе... Доступны ли Сологуб и «Окаянные дни» оболтусу, пишущему *даптель*?!

Очевидно одно: мир усложнился и предъявляет к сегодняшней школе новые требования. Ее выпускники должны быть современны, должны быть адекватны реальности. Для школьников открыт мир политики, телевидения, моды, спорта, кино, фитнеса... Они рассуждают о Тэйт Модерн и Гарри Поттере, ночных клубах и футболе в Лондоне... Они в курсе позывных глобализованной англосаксонской культуры: *Мэг Райан, Том Хэнкс, Джулия Робертс, Джим Кэрри, Леонардо ди Каприо, Брэд Питт и Том Круз* знакомы любому школьнику в мире.

Не будем забывать, что мы обучаем поколение, живущее в сети Интернет, понимающее, что за него идет борьба «на рынке

образовательных услуг». Школьникам доступна любая информация, они, кажется, рождены компьютерно грамотными. Изучая социальные последствия компьютеризации, ученые говорят об особом электронном письме (наряду с письменной и устной речью) и коммуникативной среде, которую оно обслуживает. Качественно меняются условия труда современности и будущего. Футурологи утверждают, что в жизнь вступает поколение, у которого не будет постоянного дела и постоянной работы в течение всей жизни. Мобильный телефон и ноутбук стирают границы между личным и рабочим временем. Все большее число людей в мире занято производством услуг. Если вы рассчитываете получить хорошую работу, вы должны знать компьютер, Интернет, иметь хорошие коммуникационные навыки. Важное значение приобретают языки, и не только английский. Это мнение высказано Ли Ланкастером в книге «Futurework», аналогичное мнение высказывает автор бестселлера последнего десятилетия «Эпоха неразумия» Чарльз Хэнди [Handy 1997].

Бурные изменения затрагивают прежде всего гуманитарную составляющую обучения. Мы, кажется, начали понимать, что инвестиции в гуманитарное образование – инвестиции в человеческий капитал, столь необходимые сегодня, ибо никакой технократии не решить проблем двадцать первого века.

Налицо осмысление драматического опыта двадцатого века. Трудно преподавать историю. Как рассказать про «крупнейшую геополитическую катастрофу двадцатого века» (так, как известно, оценил В. В. Путин распад СССР)? Почему учителя говорят одно, а родители дома другое?! Девяностые – это «время надежд» или «лихие девяностые», революция или истоки социальных бедствий?! У нового поколения историков опять вызывает затруднения оценка сталинизма. А драматическая история конца века – взять хотя бы, как считают многие, поражение СССР в холодной войне. Надо ли рассказывать про общественный проект диссидентов? Про наследие Сахарова, Солженицына и Шаламова?

В советской школе не обсуждался национальный вопрос. Ведь уже почти выковалась «новая общность людей» – советский народ. И вдруг все недели национальные тубетейки и стали суверенными. Разговор о национальном сегодня приобретает

пожароопасный оттенок.

Очевидны проблемы с преподаванием мировой художественной культуры. Современные студенты смело путешествуют по миру. Они были в Лувре, в Прадо, в Национальной галерее, в Пинакотеке, в Палатинской галерее и в Уффици. Мировая художественная культура по старинке преподается как культура высоких классических образцов, а сегодняшняя демократическая культура глобализации – и сама динамичная жизнь общества – вносят существенные поправки.

Возьмем вопросы социальных ценностей. Все школьники страны Советов готовились строить коммунизм. Сегодняшняя Конституция России прямо провозглашает отсутствие единой государственной идеологии. И те, кто вроде бы учил нас строить коммунизм, был нашим знаменосцем, резко развернулись: «Я голосую против величайшего зла на земле. Имя ему – коммунизм». Так, например, сказала на пороге своей смерти лауреат Государственной премии России Белла Ахмадулина по случаю парламентских выборов.

3. Язык – зеркало социальной динамики

Конечно, общественное сознание претерпевает существенную динамику. Это отражает наш язык. Сегодня уходят из словоупотребления целые пласты лексики, обозначавшие советские реалии – *колхоз, соревнование*. Создается новая фразеология: *дикий рынок, отмывание денег, новые русские, лицо кавказской национальности*. Налицо новый политический словарь: *околосоветская группировка, правые силы*. Формируется знаковый словарь эпохи: *крутой* (о богатом бизнесмене), *облом* (неудача), *тусовка* (общение), *разборка* (сведение счетов, выяснение отношений), *беспредел* (бунт в зоне). Подумать только, эти слова были неведомы Пушкину. Как он проигрывает в наших глазах...

Благодаря рекламе возникают новые клише – *рекламная пауза, сладкая парочка*. Повышается повседневная метафоричность речи: *коридоры власти, корабль реформ, острова тоталитаризма, вирус недоверия, логика чувств...*

Студенты изучают *экономикс*. Ноу проблем!

Увеличивается демократичность речи. Уходят высокие, наиболее книжные, выпендренные и синтаксически развернутые фор-

мы интеллигентской речи, теряется аристократизм речи. На смену ему идет масс-культ, стандартизация. В СМИ возникает новый разговорный язык, близкий к обиходному. Ему соответствует неомания – «зуд» постоянно потреблять новости.

В языке проявляется новая экспрессивность. Он играет с текстами культуры. Еще в тридцатых В. Беньямин обратил внимание на эффект тиражирования произведений искусства. Пушкина поставил бы в тупик такой примитив, как смайлик. Он не знал, кто такие «аффтарты» и «аватары». Вместо пушкинских поэтических строк о Кавказе наш сегодняшний современник пишет в Интернете, смешивая кириллическую и латинскую графику и манкируя знаками препинания: «НА КАВКАЗЕ ЕСТЬ ТЕРЕК-РЕКА. ВОТ ЗАМЕР СОВСЕМ. ТАК ЕМУ СУКЕ! УРА УРА!» Что это? Поневоле подумаешь о том, что старая поэзия лучше новой.

Язык весьма консервативен. Мы слышим новые слова, когда они появляются в новом социальном и смысловом контексте: глядь, журнальная литература оскоромилась матом, а вон слова из уголовного арго уже вошли в речь лихих тележурналистов. Воздействие мыслится, прежде всего, в учете субъязыка и риторических экспектаций слушателей. Как разговаривать с представителями финансовых структур? Российскую писательницу М. Арбатову однажды инструктировал один генерал: «Когда пойдешь разговаривать с крутыми, объясняй им так: *«За вами – синие, за нами – спецура. Вы – в семье, мы – в семье. Ну, зачем двум семьям ссориться из-за какой-то депутатской корочки? Я ни слова не поняла, но стонала от удовольствия»*. Возникает и новая «литература помойки».

Велика презумпция тюремности в языке. Сама власть использует лагерный язык как норму! Посмотрите на вульгаризмы, интонации. «Зажигать», «тормозить» – переходные глаголы стали непереходными. Хотя вульгаризмы и нецензурная брань – это проблема не языка, а воспитания. В чем проявляется зрелость и совершенство языка, его богатство? Трудный вопрос.

Еще одна проблема – планетарное распространение английского языка в качестве языка межэтнического общения. В пушкинское время мировым языком был французский. Но он так не

влиял на менталитет. Сегодня возникает надэтническая общность людей, чье языковое существование частично происходит на неродном языке. Это лингвокультурный надэтнический союз, влияющий и на сам русский язык. Возник новый тип обучаемого *нетизен* – человек, проводящий значительное количество времени в Интернете, живущий в нем, пользующийся социальными сетями и т.д.

Лингвокультурологами показано, что для развития культурологической компетенции в области родной культуры актуально понимание прецедентных имен и текстов собственной культуры и умение представлять их инофонам. У каждого носителя языка есть своя агнонимическая шкала. В ответ на явную «культурную лакуарность» в собственной культуре языковой личности родилась концепция «минимальной культурной грамотности» Д.Хирша.

День сегодняшний знаменует то, что от клинописи мы дошли до Интернета. Как влияют на язык информационная революция, массовая культура и коммуникация?! Онегин и Татьяна – обменивались бы они сегодня письмами или «общались бы в привате»?! Было бы от этого их общение хуже, беднее? Были бы они сегодня блогерами? Обошел бы своим вниманием Онегин сетевую литературу? А сам Пушкин?! Как повлияли на наше общение Интернет, мобильные телефоны и пейджеры? Представляется, что человечество уже воспользовалось, но не до конца оценило возможности цифрового представления любой информации, возможности дистанционного и мгновенного обмена крупными блоками информации. Лавинообразное производство информацией впервые становится экономико-организационной основой общества.

Парадокс: на фоне экспоненциального роста знания и коммуникаций и развития глобальной культуры отмечается феномен фрагментаризации картины мира отдельной языковой личности. *Бескультурие на телевидении является следствием ситуации.* Слушаю рекламу нового фильма про мушкетеров и не верю своим ушам. «*Что-то я не вижу подвескОВ, мадам*».

4. Что делать?

Традиционным являлось понимание культуры как культуры

классической литературы, высокого изобразительного искусства, высокой музыки. Сегодня с этими медиумами высокой культуры спорят кино, попкультура. Как организовать рациональный отбор материала? Техника понимания сложных текстов связана с занимающей нас проблемой понимания объектов дизайна, городов, лиц и т.д. как текстов. Развитие способностей понимания связано с риторикой. Попросим студентов поимпровизировать на темы о лучшем публицисте, старых традициях горожан, традиции выращивать кофе, создавать сады, квинтэссенции стиля модерн, чтения городов как книг и т.д. – сразу вывим их речевую и культурную компетенцию.

Актуален баланс знания и понимания [Handy 1997]. Одинаково бесперспективны абсолютизация знания и абсолютизация понимания и творчества. Важен исторический метод в преподавании гуманитарной культуры, а не фрагментарный [Бушев 2006].

Банально, но необходимо воспитывать понимание и внимание к ценностям культуры. «О вкусах не спорят» – изречение, простительное в устах провинциальной школьной учительницы, доведенной учениками и нищетой до отчаяния. Вкусы все же воспитывают. Иначе бывает вот что: «публика-с требует» (как у В. Гиляровского). Иначе можно обойтись двумя десятками слов, как героиня И. Ильфа и Е. Петрова или герой Ю. Полякова в «Не вари козленка в молоке матери его». Здесь опять вспоминается идея Д. С. Лихачева о культуре, занимающей место идеологии. При такой работе происходят и интериоризация социокультурных норм, и освоение ценностей.

При этом важно собственно филологическое знание. Язык понимается как специфический способ существования культуры, средство ее функционирования, как отражение и выражение опосредованной культурой действительности и основной фактор формирования культурных кодов. Культурный код представляет собой ценности, концепты, типы дискурсов, типы ключевых коммуникаторов. Риторика, бесосновательно маргинализированная еще в конце девятнадцатого века, переживает в послевоенное время возрождение в трудах Ю. В. Рождественского [Рождественский 1997] и его учеников А.А. Волкова и

В.И. Аннушкина [Аннушкин 2009, Волков 2001]. Риторические исследования находят применение в самых различных областях – политическом дебатировании, педагогике, аргументологии, организационной коммуникации, исследовании текстов масс-медиа и т.д.

Техника понимания сложных текстов связана с занимающей нас проблемой понимания объектов дизайна, городов, лиц и т.д. как текстов. Ничто не мешает нам сегодня увидеть ту эпоху через небольшие детали. Возьмем даже собственно нехудожественный текст. Прочитаем воспоминания Веры Судейкиной [Судейкина-Стравинская 2006]. Удивительная личность, художник, муза фигурантов серебряного века Судейкина и Стравинского. Веру называли волшебная фея Санкт-Петербурга. Оценим ее старинный язык:

Я спала с уймой снов.

Гуляли entre chein et loup.

Я ходила с мамой чуточку гулять

Мама поит нас шЕколадом

После позирования, часов в пять пошли собирать валежник, шли по взрытой земле, через ручеек. Небо очистилось, розоватые облака, молодой месяц, чувство близости земли. Сережа вспоминает барбизонцев.

Запись 1918 года. На этот раз говорим только о политике, и с большим жаром, потому что делается что-то невероятное, какое-то фантастическое, бешенное скерцо. Немцы наступают и в 60 верстах от Бологова.

Вчера мы поздно легли спать, все слушали рассказы Блуменфельда о его балетных скитаниях и знакомствах, семнадцать лет подряд от обедал у Кюба! Кого он только не знает!

С утра приходит Савелий и, вместо того, чтобы поименному попить с нами кофе, так торопился, что я, желая все же успеть с угощением, заливаю спешке кофеем свои белые туфли, которыми единственно я могла отметить сегодняшний день

Я плохо спала, потому что снились большевистские сны.

Налицо деталь, выводящая нас к стилю (большевистская революция как скерцо, человек, гуляющий в сумерках и остро чув-

ствующий дыхание барбизонцев т.д.) Вера Судейкина при рецензии ее мемуаров из-за детали соотносится нами с тем дивным поколением женщин, которых Мандельштам – еще один творец той эпохи – называл «европейки нежные».

Современный носитель языка уже может не знать каких-то деталей, но незнание не лишает его понимания стиля мемуаров, человека и эпохи:

Купленные на вербе поповские собаки (если «на вербе» еще хоть как-то ассоциируется со Страстной, то почему собаки поповские и как выглядел и ценился такой фарфор, уже непонятно)

Кустарный музей

Пожар незлобинского театра

Один из первых дней русской свободы, 3 марта

Статьи Врангеля (современный человек уже не знает Н.Н. Врангеля – представителя золотой молодежи начала века, оставившего прекрасный путеводитель по Русскому музею).

Фарфоровый амур Гарднера (фабрика Гарднера закрылась в конце 19 века).

Социальные наблюдения мемуаристики интересны для историка, языковеду интересны собственно языковые наблюдения:

Эскиз interieur'a

Лоузенный вместо блестящий.

Приведенные примеры убеждают в одном: велика роль художественной детали в понимании стиля. Чтобы соотносить тот или иной текст со стилем, надо тренироваться в постижении частности. Частность, выводящая к целому, – это и есть техника герменевтического круга. Техника герменевтического круга может выводить к предвосхищению как оценке всего текста.

Посмотрим на работу другой техники - техники понимания регистра (сниженности) речи.

Сленг – хорошо это или плохо? Чем отличается новый сленг от сленга, что бытовал тридцать лет назад?

Демократизация языка российских масс-медиа достаточно подробно описывается при изучении динамики современной лексики, активных изменений, прежде всего, на лексическом уровне [Валгина 2003, Костомаров 2005, Русский язык конца XX столетия ... 2000, Русский язык сегодня ... 2003, Стернин

2004]. Иногда она называется вульгаризацией или даже криминализацией. Русский язык последних двух десятилетий демонстрирует низкий уровень стабильности лексической системы. Характерно вымирание элитарного типа речевой культуры, который в настоящее время заменяется на фамильярно-разговорный тип, модный в средствах массовой информации [Сиротинина 2000, Карасик 2002]. Язык СМИ двадцатилетней давности был намного беднее и строже.

Полагают, что преобладание оценочной лексики тоже становится все более и более свойственным языку медиа [Маркелова 1993]. Достаточно прослушать несколько радиопрограмм, чтобы набрать примеров. Это следствие процесса демократизации СМИ, появление свободной коллоквиальной разговорной речи в средствах массовой информации. Это свобода говорить, как хочется. В определенной мере это можно рассматривать как форму протеста. В городской среде не было принято широко употреблять бранные слова, сквернословие. В письменной речи это воспринимается как хулиганство.

Неудивительно, что медиаречь полна сниженной лексикой, вульгаризмами, арготизмами, широко проникшими в разговорную речь россиян в конце двадцатого столетия. Налицо социолингвистическая проблема арготизации языка [Грачев 1996].

Налицо большое количество иноязычных заимствований, варваризмов: *траффик перед воротами, чаты и форумы*. Особенно велико количество заимствований в сфере компьютерных технологий. Это объяснимо: денотат имеется, дезигната нет.

Налицо культура сниженной разговорности в масс-медиа. Развивая идеи О.Б. Сиротининой о типах речевой культуры, В.И. Карасик говорит об утрате масс-медиа элитарного типа речевой культуры [Карасик 2002], явственен фамильярно-разговорный тип:

Перец в трениках (в СМИ о Р. Кадырове).

Нам Кузовлева впаривали (из речи учительницы).

Не облажаться (из речи радиокорреспондента)

Но не все так плохо. Язык не погиб. Его характеризует **творческое начало** – создание новых слов – словомейкерство. Язык шутит. Ср., следующие примеры: *заявление Христа народу; не*

*скудеет рука сдающего; греф-фрукт; брехлама; осетенеть; словоние; трепортер; смехдержава; сезон вождей; пресслакей; дуривестник; перепостмодернизм; каюк-компания; замкадыш; рынок избирательных услуг; попал под тандем; подложит амфору; голодообразующее предприятие и др. Творческое начало видится в создании иронических неологизмов: *катастройка, лжурналист, прихватизация, Садомное кольцо, мэриози, карга*. Показательна «снисходительность» к чужим словам, перестраиваемым при помощи норм родного языка: *видик, сидюшник, бмвушка, Емеля, океюшки*.*

Как форма существования литературного языка, разговорная речь характеризуется основными его признаками (наддиалектностью, устойчивостью, нормативностью, многофункциональностью). Изучалось взаимодействие ее с разговорным типом письменно-литературного языка в художественных произведениях, где речь разговорная, по словам В.В. Виноградова, «олитературивается» [Виноградов 1978]. Представляет интерес использование стилистически маркированных сниженных стилистических явлений.

Другую сторону проблемы представляет значительное количество сниженной лексики – новое просторечие, до вульгарного и обценного.

Посмотрим на язык диалогов и несобственно прямой речи в романе С. Минаева «Духless», отражающий современную коллоквиальную речь:

Вау, клево, класс, супер, бред какой-то, не грузись. Старперские темы, ксива, менты. Идея с заменой паспорта не канает. Не прикололо. Мандежник, мутные перцы, затусить. Мне нужно с этими упырями встречаться. Тут голяк. Пустые понты, лошня. Колхозница, не зарубайся. У меня на эту пургу нет времени. Гоню, понтуюсь, прогоняю левые телеги. Сколько раз говорю: давайте перестанем бухать, торчать и отжигать до утра, если на следующий день репетиция. Попустись, брателло. Засылает косарь в месяц. Вы все еще трете за любовь? Без мазы. Беспонтово, жесть. Стебануться. Головянки, стремные политические акции, попадосы с мелким бизнесом, лажовые правила. Ну что, падла, сразу тебя кончить, или ты сначала

*нам отпишешь свою с***ную хату в Бескудникове?*

Приглядимся к этим словам. Многие из них часто встречались нами в прессе, прекрасно входили в броские заголовки газет (особенно желтых, таблоидов, тяготеющих к сенсациям), представляются естественными в речи «поп-звезд», других часто мелькающих на телеэкране публичных персонажей. Многие слова стали заголовками фильмов последних лет. Они деэтимологизировались, воспринимаются как естественные в речи современных носителей языка, не оскорбляют речевое достоинство говорящего и слушающего. Арго же выполняет роль сигнализации «Я – свой», «Я – продвинутый», «Что мне до мещанских предрассудков». Все это требует серьезной языковой политики, целью которой, согласно мнению Г.О. Винокура, является сам язык [Винокур 1929].

Высокий, торжественный стиль всегда немного архаичен. В нем оказываются уместны такие слова, как *воин, ратный труд, отныне, ибо* и т.д. С чувством большого сожаления А.А. Волков констатирует тот факт, что «как выражение возвышенного высокий регистр и вообще церковно-славянская речевая стихия, очевидно, с трудом доступны современному языковому сознанию, которое формируется средствами массовой информации» [Волков 2001]. Жаргоны, по меткому выражению В.М. Жирмунского, паразитируют на языке [Жирмунский 1936].

Сегодня «бытование арготизмов в литературном языке» (и их засилье) обсуждается с парламентской трибуны и представляется серьезной социолингвистической проблемой. Несомненно, что в новом веке произошли изменения литературы, языка, и они весьма существенны. Дело ведь не только в том, что многие литераторы оскоромились матерщиной, используют компьютерный язык и уличный жаргон, полуграмотно пишут на «животрепещущие» темы. Как шутит поэт Наум Коржавин, чего уж там, персонажи пишут. Произошли изменения и самого читателя, его демократизация, смена его приоритетов.

Категория языковой личности, описание которой начато в науке трудами В.В. Виноградова, Г.И. Богина, Ю.Н. Караулова, многих современных исследователей – это то, что позволяет говорить о речедеятеле во всем многообразии его текстовой дея-

тельности [Богин 2000]. Категория современной языковой личности россиянина в силу многих причин не исчерпывается фольклорной языковой личностью и русской языковой личностью. Источников мультикультурализма и искусственной социальности несколько, их влияние на русскую языковую личность и русский язык нуждается в пристальном изучении.

Итак, нами намечены лишь отдельные шаги, продемонстрированы лишь отдельные техники, помогающие интерпретации целого – текста. Эта проблематика представляется краеугольной для развития индивидуальных и коллективных способностей интерпретации и понимания. В виду важности последних представляется нелогичным их недоисследованность и недопредставленность среди арсенала дидактических методов и автодидактических способностей обучаемых. Ставится задача «сохранить высоты культуры перед лицом торжествующей бюрократии и полубообразованности массы» [Левада 1993].

ЛИТЕРАТУРА

- Аннушкин В.И.* Язык и жизнь. – М.: Русская школа, 2009.
- Волков А.А.* Курс русской риторики. – М.: Изд-во храма св. муч. Татианы, 2001. – 480 с.
- Богин Г.И.* Обретение способности понимать. – Тверь, 2000. Интернет-источник: <http://www.fondgp.ru/gp/personalia/1970/6> (дата обращения 29.02.2012)
- Бушев А.Б.* Рефлексия над историей и художественный нарратив //Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI веков. Сб. науч. Тр. Выпуск II. Сост., отв. Редактор проф. А. И. Ванюков. Саратов. 2006. – С. 318-322.
- Бушев А.Б.* Языковая личность профессионального переводчика. – Тверь: СПБГИЭУ, 2010. – 265. с.
- Бушев А.Б.* Потребление беллетристики: литературный канон / Потребление как коммуникация – 2007: Научн. конф. 29-30 июня 2007 г. Материалы конференции /Под ред. В.И.Ильина, В.В.Козловского. – СПб.: Интерсоцис, 2007. – с.20-22.
- Валгина Н.С.* Функциональные стили русского языка. – М.: МГУП, 2003. – 192 с.
- Виноградов В.В.* Избранные труды. История русского литера-

турного языка. – М., 1978. – С. 254-287.

Винокур Г.О. Культура языка. – М.: Федерация, 1929. 240 с.

Волков А.А. Курс русской риторики. – М.: Изд-во Храма св. муч. Татианы, 2001. С. 291.

Грачев М.А. Как появляются арготизмы в нашей речи// Русская речь. 1996. № 4. – С.20-30.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. С. 20-38.

Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Жизнь 1-я. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 19-20.

Гудков Л.Д. Абортивная модернизация. М: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 10.

Гудков Л.Д. Негативная идентичность. – М.: НЛО, ВЦИОМ-А, 2004. –С. 11.

Гудков Л.Д., Дубин Б.В, Левада Ю.А. Проблема «элиты» в сегодняшней России. Размышления над результатами социологического исследования. – М.: «Либеральная миссия», 2007.

Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. – Л.: ЛГУ, 1936.

Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Костомаров В.Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2005. – 288 с

Левада Ю.А. Ищем человека. Социологические очерки 2000-2005. – М.: Новое издательство, 2006.

Левада Ю.А. Статьи по социологии. – М: Фонд Дж. И К. Маркатуров.1993.

Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук М.: МГУ, 1993.

Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. – М.: Аспект-Пресс, 2011. – 351с.

Рождественский Ю.В. Теория риторики. – М.: Добросвет,

1997. – 600 с.

Русский язык конца XX столетия / Отв. Ред. Е.А. Земская. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 473 с.

Русский язык сегодня / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Азбуковник, 2003. – 185 с.

Сиротинина О.Б. Русский язык в разных типах речевых культур // Русский язык сегодня. – М., 2000.

Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX- начала XXI века. – Воронеж: Истоки, 2004. – 341 с.

Судейкина-Стравинская В.А. Дневник. Петроград. Крым. Тифлис. – М.: Русский путь, 2006. – 669 с.

Handy, Ch. The Age of Unreason. Harvard business School press. Boston, Massachusetts. 1997 450 pp.

©Бушев А.Б., 2015